

ПРИЗЫВ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Поминов А.В.¹, Сафаров В.Р.¹

¹*Сибайский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», (453838, Республика Башкортостан, г. Сибай, ул. Белова, 21), e-mail: pominoff@mail.ru*

Практика производства уголовных дел по статьям связанным с экстремизмом и экстремистской деятельностью показывает необходимость в определении понятия призыв, его различения с понятиями пропаганда и подстрекательство. Встает вопрос о формировании единого понятийного аппарата, адаптации существующих экспертных инструментов и технологий. Авторами проводится исследования в области мотивации и стимулирования человеческой активности посредством текстов, видеообращений, как ключевого условия рассмотрения объектов экспертизы на предмет содержания в нем психологических, лингвистических признаков. Разрешение данного вопроса позволит осуществить обобщение подходов и обмен современными технологиями в практике выявления и профилактики экстремизма. В статье выделяются признаки и требования к составлению вопросов для экспертов комплексной психолого-лингвистической экспертизы с учетом реалии деятельности судебного эксперта.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистское поведение, экстремистская деятельность, призыв, подстрекательство, судебная комплексная психолого-лингвистическая экспертиза.

APPEAL – THE SUBJECT OF JUDICIAL COMPLEX PSYCHOLOGICAL-LINGUISTIC EXPERTISE IN CRIMINAL CASES OF AN EXTREMIST NATURE

Pominov A.V.¹, Safarov V.R.¹

¹*Sibay Institute (branch) of Bashkir State University (453838, Republic Of Bashkortostan, town Sibai, street Belova, 21), e-mail: pominoff@mail.ru*

The practice of criminal cases under articles connected with extremism and extremist activities has shown the need for definition appeal, distinguishing between the concepts of propaganda and incitement. The question arises about the formation of a unified conceptual framework, adaptation of existing forensic tools and technologies. The authors conducted research in the field of motivation and stimulation of human activity through texts, video messages, as a key analysis object of psychological, linguistic attribute appeal. The resolution of this issue will allow the generalization of approaches and the exchange of modern technologies in the detection and prevention of extremism. The article explores the characteristics and requirements for the preparation of questions for the experts on complex psycho-linguistic expertise taking into account the realities of activity of the expert.

Keywords: extremism, extremist behavior, extremist activity, appeal, incitement, comprehensive psycho-linguistic forensic expertise, judicial complex psychological-linguistic expertise.

25 июля 2002 г. Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» вводит ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Введение данного закона обусловило изменение в Уголовной Кодексе. Ранее данная статья предусматривала уголовную ответственность за «публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации» [6]. В результате законодатель расширил сферу ответственности. Логика данной законодательной инициативы лежит в более широком понимании содержания понятия «экстремистская деятельность», так как насильственное изменение конституционного строя и призывы к нему выступают одной из составных частей экстремизма, что отражено в

Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Так законодатель расширяет понятие экстремизма (экстремистской деятельности) и, выделяя объективную сторону данного преступления, включает в него тринадцать признаков, пять из которых возможно отнести к понятию призыв:

- 1) «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 2) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 3) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 4) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- 5) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения ... » [3].

Следует отметить, что мотивы политической и идеологической ненависти или вражды носят во многом оценочный характер и для их квалификации на практике нужны экспертные заключения и разъяснения высшей судебной инстанции. Ученые-философы обоснованно подчеркивают, что сложность идеологии проявляется в мотивационном понятии и развитии [1, С.25].

До определенного периода времени существовали серьезные разногласия в правиле трактовки вопросов связанные с исследованием материалов дела на предмет наличия или отсутствия призыва. Так в Комментариях к Уголовному кодексу в 1996 году дается трактовка понятия призыв: «Призывы – это такая форма воздействия на сознание, волю и поведение людей, при которой путем непосредственного обращения к ним формируются побуждения к определенному виду деятельности. В данном случае призывы субъекта имеют конкретную цель — объединить граждан, активизировать их волю и направить поведение в русло прямого насильственного захвата, удержания или изменения конституционного строя» [2, С.130]. Помимо этого дается различие понятий призыв и подстрекательство: «Призывы субъекта при этом носят общий характер, т. е. не обращены персонально к кому-либо, в них нет конкретного указания на место, время и способ совершения преступления. Этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению» [2, С.130].

В психологической науке и практике продолжается дискуссия и о структуре сознания, и о механизмах человеческого поведения. Однозначного ответа на вопрос о

механизмах воздействия на сознание, о воздействии на поведение индивида дать проблематично. Дискуссия о нейро-лингвистическом программировании, как возможном механизме воздействия на психическое человека, до сих пор не имеет научного разрешения. Именно поэтому, наличие однозначных индикаторных и диагностических инструментов, позволяющих дать возможность судебному эксперту психологу, лингвисту, психолингвисту, ответить на вопрос о воздействии того или иного текста, на сегодняшний не констатируется в судебно экспертной практике.

Для правильного применения положений данной статьи, а также ст. ст. 282 - 282.2 УК РФ, а также в целях обеспечения единства судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности было сформулировано Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Объектом данного преступления выступают политическая система Российской Федерации, нормальное функционирование конституционных органов власти, ее законных представителей. Пленум подчеркивает, что доказыванию, подлежат мотивы «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [4]. Человеческие мотивы проявляются в действиях. Пленум обозначил содержание криминальных действий и их характер: «Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [4].

Таким образом, Пленум определяет в качестве действия речевую деятельность (высказывания) субъекта, осуществляемую в процессе неопределенной коммуникации. Неопределенность коммуникации совершенно оправдано по трем причинам раскрытых в Постановлении Пленума: во-первых, требование к публичности. Сама по себе публичность не может быть выражена только в непосредственной коммуникации, где реципиент явно присутствует и является активной единицей коммуникации. Публичность может быть проявлена и чрез электронные формы передачи информации, где реципиент не является единицей коммуникативного процесса. Во-вторых, требование отсутствия личной неприязни. Личная неприязнь выступает как раз примером определенной коммуникации:

«Кац – еврей и скотина, его надо убивать». «Еврей» и «скотина» выступают равноправными характеристиками определенного лица, поэтому в присутствии личные отношения коммуникатора и объекта его речевой деятельности. В-третьих, отсутствие требований к результативности речевой деятельности: «Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет». Определить результативность при неопределенной коммуникации в некоторых случаях возможно лишь при использовании специальных методов и методик в ходе специально разработанного психологического эксперимента.

В комментариях к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определено, что «Призывы - это такая форма воздействия на сознание, волю и поведение людей, когда путем непосредственного обращения к ним формируются побуждения к определенному действию» [5]. Нельзя согласиться с данной трактовкой, так как имеющимися в психологической науке средствами проблематично определить является ли тот или иной текст формой воздействия на сознание, и, тем более, на поведение. Причина утверждения кроется в том, что психические реакции носят опосредованный характер. Например, при возникновении психологического аффекта в ходе комплексной психолого-психиатрической экспертизы возможно отследить следы возникшего аффекта, но не представляется возможным однозначно определить источник аффекта. Посредствам имеющихся в психологической и лингвистической науках инструментов, возможно определить структурные единицы, которые относятся к призывам, и которые могут побудить определенного или неопределенного субъекта активизировать, а также направить его волю и поведение на совершение экстремистских действий. Практика показывает [7], что чаще всего призывы носят общий характер, они не обращены персонально к кому-либо, и исследователи считают, что именно «этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению либо деятельности организатора, например, по объединению толпы к осуществлению массовых беспорядков» [5].

Таким образом, перед экспертами может быть поставлена задача определения наличия или отсутствия в тексте психологических или лингвистических признаков призыва к экстремистской деятельности. При этом в задаче может и не содержаться задачи по квалификации предмета призыва – экстремистская деятельность. Эксперт, средствами относящейся к нему науки и практике, описывает содержание призыва, а его отнесенность к экстремистской деятельности достигается либо в другой экспертизе, либо иными средствами квалификации, имеющихся в распоряжении следственной и судебной практик.

В ч. 2 ст. 280 УК РФ определено, что форма призывов может быть различной: устной, письменной, с использованием технических средств (громкоговорителей, микрофонов и т.п.). С точки зрения комплексной психолого-лингвистической экспертизы целесообразно принять две формы призывов, которые исходят из видов речи: устная и письменная. Практика показывает, что преступники часто используют и более сложные средства речевой деятельности: музыка, цветовой ряд, событийный видеоряд, частоту смены кадров. Но данные средства могут лишь усилить восприятие основного текста, возникающего информационного канала. При этом сам текст (устный или письменный) продолжает оставаться основным предметом комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Особенно широко средства усиления восприятия информационного посыла широко используется при распространении призыва с использованием массовой информации (радио, телевидения, прессы) и социальных сетей сети интернет. Учитывая, что средний статистический субъект социального общества имеет низкий уровень критичности к информации воспринятой им через СМИ, законодатель предусматривает повышенную ответственность за совершение публичных призывов с использованием средств массовой информации.

Пленум подчеркивает, что действия должны носить целевой характер, что важно понимание направленности действий, их осознанности. Так в п. 8 сказано, что «Не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [4]. В ходе практики производства экспертиз выявлены реальные инструменты и индикаторы, которые позволяют определять и осознанность, и целенаправленность действий субъекта по распространению исследуемой информации. Поэтому перед экспертами комплексной психолого-лингвистической экспертизы может быть поставлен вопрос об определении осознанности и целенаправленности действий.

Цель преступления вытекает из направленности действий, указанных в диспозиции статьи: побудить граждан к осуществлению экстремистской деятельности. В п. 23 Постановления Пленума говорится, что «В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки,

религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.)» [4]. Практика производства комплексных психолого-лингвистических экспертиз свидетельствует, что в распоряжении современных наук имеются средства определения целевой направленности текста. Поэтому перед экспертами судов и следствий может быть поставлена данная задача.

Таким образом, при назначении комплексной психолого-лингвистической экспертизы в рамках определения квалификационных признаков призыва к экстремистским действиям перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы: имеются ли в представленных на исследование материалах психологические и лингвистические средства характерные для призыва, если да, то на что направлен призыв; какова целевая направленность материала представленного на исследование; носят ли действия субъекта по распространению представленного на исследование материала осознанный и целенаправленный характер.

Список литературы

1. Кокорин А.А. Идеология: хрестоматийные заметки. М., 2007. 305 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова). М., «Проспект», 2008. С. 130.
3. О противодействии экстремистской деятельности Федеральный закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173588 (дата обращения: 02.08.2015).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №11 от 28.06.2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 12.10.2015).
5. Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" – Подготовлен для системы «Гарант», 2012.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 15 июля 2013 г. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
7. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002, – 336 с.

Рецензенты:

Хисматуллин Р.С., д.ю.н., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сибайского института (филиал) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Сибай;
Абдуллин А.Г., д.псих.н., профессор кафедры уголовного права и процесса Сибайского института (филиал) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Сибай.